

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УТОПИИ

Т.Г. Шатула

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

tamara@yandex.ru

В статье отмечается, что во все времена философы и мыслители задумывались об идеальном устройстве общества, но зачастую упускали из виду необходимость прежде всего построить работанную систему образования и воспитания. Большинство авторов утопических проектов затрагивает этот вопрос крайне беспредметно.

Ключевые слова: утопия, античность, воспитание, образование, социальный идеал.

Личность человека формируется определенным образом под влиянием воспитания и образования, и на них фактически зиждется все развитие человечества. Однако наблюдается странность в приложении этой истины к утопиям – в подавляющем большинстве воображаемых идеальных обществ такой фундаментальный аспект прописан в крайне общих терминах, без детальной программы.

В современных категориях педагогического опыта процесс формирования и развития личности в физическом, физиологическом, психическом, социальном и духовном направлениях происходит прежде всего по вектору воспитания, тогда как образование подразумевает одновременно «возведение» комплекса систематизированных знаний, умений, навыков, способов мышления, которые «разрабатывают» мыслительные и творческие способности личности, а также процесс и результат приобретения личностью этого комплекса знаний.

Воспитание, формирование, обучение, развитие, образование составляют иерархическую формулу становления личности,

в которой одно не работает без другого. Сообщая обучаемым те или иные знания, педагоги всегда придают им необходимую направленность, формируя важнейшие мировоззренческие, социальные, нравственные и другие установки. Следовательно, обучение имеет воспитывающий характер, и наоборот – любое воспитание содержит элемент обучения. Образование как термин, традиционно апеллирующий к более сознательному возрасту, является продуктом процессов воспитания и обучения. Поэтому области понятий «воспитание», «обучение», «образование» перекрываются.

Исходя из этого становится ясно, какую важность должна иметь вся система формирования личности именно в утопии, где на протяжении столетий возникает в различных вариациях и трактовках идея создания человека идеального типа, который стал бы ядром и основой идеального общества, продуктом идеальной воспитательной системы идеального государства. Но ровно по той же «воспитательно-образовательной» причине – и это отнюдь не смелое заявление, но вполне объективное – при всем много-

образии культур и философских систем завершенные концепции идеального человека едва ли встречаются.

В данной статье из двух обобщенных значений утопии – утопия как целевой авторский вариант идеального общества (пример: платоновское государство) и утопия как сложившийся фольклорно-вымышленный образ страны всеобщего изобилия и процветания (примеры: страна Кокейн, земля Шангри-Ла) – мы обращаемся к первому. В эту же категорию входят утопические государства, якобы существовавшие в древности и создававшиеся богами или героями, – обычная описательная практика в Древней Греции. Таковы были «пышноустроенный город любезных богам феакиан», в который попадает Одиссей¹; или идеализированная Спарта в поэме Тиртея – город, основанный богами и управляемый «чтящими богов царями», царство праведности и закона²; или священный остров богов Панхей с особо благочестивым населением, к которому совершил путешествие Эвгемер, о чем мы узнаем в изложении Диодора Сицилийского³.

У Гомера, в его эпосах, мы в целом сталкиваемся с начавшейся уже идеализацией далеких окраинных народов, живущих простой, но честной и счастливой жизнью. Такой их непритязательный, простой и здоровый образ жизни как-то связывается с их духовной непорочностью

(«справедливейшие люди»)⁴. В 4-й песне «Одиссея» Менелай рассказывает об отдаленных, теперь уже юго-восточных и южных странах, которые он посетил во время своих восьмилетних странствий на обратном пути из-под Трои: «Видел я Кипр, посетил финикийн, достигнув Египта, / К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов; / В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются, / Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают; / В той стороне и полей господин и пастух недостатка / В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют; / Круглый там год изобильно бывают доимы коровы»⁵. С одной стороны, акцентируется природное изобилие, с другой – имплицитно выраженное восхищение простым жизненным укладом. Обе черты, составлявшие непеременимые атрибуты ранней утопии, естественно сливаются в единый идеальный образ жизни, неприхотливой, но сытной и здоровой.

Отдельного внимания заслуживает промелькнувшее в этом отрывке упоминание об эфиопах, которые в других частях гомеровского эпоса характеризуются не просто как народ, живущий на краю земли (*eschatoi*), но и как самые безупречные (*amymones*) и благочестивые из людей⁶. Они чтут богов посредством пышных жертвоприношений и в ответ на это удостаиваются особых милостей. К примеру, нередко отправляются к богам на пир. А на острове Сирии, еще одном гомеровском «чудесном топосе», который является родиной Одиссея пасту-

¹ Гомер. Одиссея / Гомер; пер. с древнегреческого В. Жуковского. – М.: Правда, 1985. – С. 3, 6.

² Фрейденоберг О.М. Утопия / О.М. Фрейденоберг // Вопросы философии. – 1990. – № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/u/Utopia.html>

³ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга VI [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/diodoros/diod06-f.htm>

⁴ Фролов Э. Возникновение христианства [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/lib_sec/21_f/fro/lov_00.htm

⁵ Гомер. Одиссея / Гомер; пер. с древнегреческого В. Жуковского. – М.: Правда, 1985. – С. 83–89.

⁶ Фролов Э. Указ. соч.

ха Евмея, люди обладают и того большим божественным благом (помимо того, что имеют полный материальный достаток): в старости смерть их легка и мгновенна – она приходит от милосердных стрел Аполлона и Артемиды. Аспект «простой» смерти, воспринимающейся без имманентного этому процессу трагизма, – также примечательная деталь при рассмотрении духовной составляющей утопий.

Тема «непорочных» эфиопов, равно как и «дивных» гиппемолгов (скифских кочевников, «бедных, питавшихся только молоком, справедливейших смертных», которые упомянуты в «Илиаде»), затронутая Гомером, окажется весьма плодотворной. Она будет подхвачена последующей литературой и в общественной мысли греков V–IV вв. до н. э. разовьется в целостное направление, идеализирующее «естественное состояние» окраинных примитивных народов, их простую жизнь и обусловленную этим нравственную чистоту. Образ далеких скифских племен, отличающихся простотой жизни и отменной нравственностью, встречается также, например, у Эсхила во фрагментах несохранившейся трагедии «Прометей освобожденный». Не единожды подчеркивается их питание молоком – и у Гомера, и у Эсхила, и у Геродота, который также описывает эфиопов и устанавливает связь между их долголетием (120 лет) и рационом (вареное мясо и молоко); а кроме того, он рассказывает о среднеазиатском племени массагетов, также практикующем молочную диету. В древней философии молоко как перворожденное питание имело сакрализованый смысл («белая кровь»), а в мифотворчестве, например, и вовсе породило Млечный Путь, пролившийся из груди богини Геры.

Таким образом, в подобных отнесенных как «хронологически-обратно», так и геогра-

фически описаниях отражается вера древних в Золотой век, где люди были счастливы и который они век за веком утрачивали, пока не оказались в Железном веке, когда счастлив только тот, кто родился и сразу умер, а еще счастливее тот, кто не родился вовсе⁷. В закреплении этих представлений большую роль сыграл следующий после Гомера крупнейший греческий поэт архаического времени Гесиод. Объяснение такого «возвратного» утопизма заключалось в том, что у истоков стояли боги, они не могли сделать что-то несовершенным. В своей поэме «Труды и дни» Гесиод так рисует былую счастливую жизнь: «В прежнее время людей племена на земле обитали, Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы, Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных»⁸.

Но постепенно все портилось и приходило в уныние, люди теряли милость богов. Соответственно, чтобы иметь что-то светлое впереди, нужно было обращаться назад. (Отклики такого понимания можно встретить позже практически у всех христианских реформаторов, которые обращались своей мыслью к началу первого века, к апостольской общине во главе со Спасителем как к идеалу.)

Прочитав, как Платон в «Политике» описывает времена Крона как космическую гармонию: «...Самим круговращением целиком и полностью ведал [верховный] бог, но местами, как и теперь, части космоса были поделены между собой по родам и стадам божественными пастухами –

⁷ Проблема интерпретации эвгемеровской традиции рассматривается в статье: Brown T.S. Euhemerus and the Historians // The Harvard Theological Review. – Vol. 39. – No. 4 (Oct., 1946). – P. 259–274.

⁸ Вересаев В.В. Эллинские поэты / В.В. Вересаев. – М., 1963. – С. 90–92.

гениями; при этом каждый из них владел той группой, к которой он был приставлен, спасая членов ее от дикости и от взаимного пожирания; не было среди них также ни войн, ни раздоров, зато можно назвать тысячи хороших вещей, сопутствовавших такому устройству. ... Под управлением бога не существовало государств; не было также в собственности женщин и детей: ведь все эти люди появлялись прямо из земли, лишённые памяти о прошлых поколениях. Такого рода вещи для них не существовали, зато они в изобилии получали плоды фруктовых и любых других деревьев, произрастающих не от руки земледельца, но как добровольный дар земли. Голые и неприкрытые бродили они большей частью под открытым небом. Ведь погода была уютована им беспечальная и ложе их было мягко благодаря траве, обильно произрастающей из земли». И дальше: «Питомцы Кроноса, располагая обширным досугом и возможностью словесно общаться не только с людьми, но и с животными, пользовались всем этим для того, чтобы философствовать, если они, беседуя со зверьми и друг с другом, допытывались у всей природы, не нашла ли она, с помощью некоей особой способности, что-либо неизвестное другим для кладовой разума, – легко судить, что тогдашние люди были бесконечно счастливее нынешних. Вдосталь насытившись яствами и питьем, они передавали друг другу, а также зверям сказания – те, что и ныне о них повествуются...»⁹.

В упомянутых примерах речь идет о «материализованном» рае, – во всяком случае, авторы этих картин представляют их либо так, что это действительно было когда-то, либо как-то, что

⁹ Платон. Сочинения в 3 томах / Платон. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 30–31.

есть сейчас, но находится очень далеко. Золотой век, рай, Эдем даны человеку богами. По существу, у Гомера и Гесиода намечены все главные структурообразующие элементы идеального человеческого существования, без горестей и трудов, что мыслимо только в утопии¹⁰. К этим элементам относятся постоянное физическое здоровье, без тяжелой старости, с легкой, безболезненной кончиной, описанной выше; приятное времяпровождение в пирах; занятия трудом лишь в той степени, в какой этого хочется (все же, скажем, поэт-труженик, каким был по крайней мере Гесиод, не мог представить себе жизни, вовсе лишённой производительного труда); что касается окружающего мира – даром было особенное плодородие земли, которая сама собой (automate) приносит людям все необходимое; и в силу этого всего – полный достаток и изобилие всех благ. «...И жили те люди как боги...»¹¹.

Подспудно выражается мысль, что люди «золотого поколения» были не только счастливы – они еще и были достойны такого своего счастья. В таких условиях ни к чему не нужно приспособляться, выстраивать, добиваться. Эти миры – как дар. *И потому не нужно учиться в них жить*. И, соответственно, не нужна система образования. Подобные образы, независимо от степени их разработки, в принципе исключают процесс своего становления. И это характерно для большинства утопических картин как того периода, так и по настоящее время.

Интересно отметить, что у Гесиода счастливая жизнь оказывается не исключи-

¹⁰ Фролов Э. Указ. соч.

¹¹ Вересаев В. В. Эллинские поэты / В.В. Вересаев. – М., 1963.

тельным достоянием золотого поколения людей, живших в глубочайшей древности, при Кроне, но мыслится вполне возможной и в настоящем или в будущем в обществе, где будут соблюдаться принципы социальной справедливости (dike): «Там же, где суд справедливый находят и житель туземный, И чужестранец, где правды никто никогда не преступит, – Там государство цветет, и в нем процветают народы; Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае; Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка. И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод – Не посещают»¹². Можно заключить, что Гесиод допускал перерождение утопии в будущем, при возникновении располагающих к этому социальных условий и необходимых улучшений в социальных отношениях.

Далее, среди утопий такого типа, которые уже обрели определенную ориентированность на наступательную, будущую осуществленность, то первыми проектами в их ряду стали пифагорейские. Пифагор сам построил идеальное общество, если считать таковым его союз, орден, братство или гетерию. И позднее пифагорейцы считали это братство идеальным сообществом, утопией, которая представлена, например, Ямвлихом в его известной книге о пифагорейском образе жизни. Пифагор «считал, что воздействие на людей сначала осуществляется посредством чувств: если кто-либо видит прекрасные образы и формы или слушает прекрасные ритмы и песни, то такой человек начинает музыкальное образование с мелодий и ритмов, от которых излечиваются человеческие нравы и страсти и устанавливается первоначальная гармония душевных сил. Он также придумал средства сдерживать и исцелять болезни души

¹² Там же. – С. 225–233.

и тела»¹³. Пифагор уделял огромное внимание ученым занятиям: «Другое очищение разума и одновременно всей души он осуществлял всевозможными средствами следующим образом. Он считал, что усилия, направленные на познание и ученые занятия, следует рассматривать как благородные, а в отношении свойственной всем от природы неводержанности и жадности он определял и испытания, и разнообразные способы сдерживания и подавления их, действующие огнем и железом, которые дурной человек не способен ни выдерживать, ни стерпеть»¹⁴. Он воспитывал людей пятилетним молчанием. И так далее, в результате он создал систему гражданского воспитания. Таким образом, в рамках пифагорейской традиции возникают проекты такого общественного устройства, которое сделает людей счастливыми (с учетом того, что добродетельная и счастливая жизнь для Пифагора, по-видимому, синонимичны)¹⁵.

Продолжая рассмотрение этой традиции, вернемся к Платону с его самым, наверное, знаменитым проектом идеального государства. Не останавливаясь подробно на деталях, следует отметить идею двойного воспитания (Платон говорит о стражах, но позже эта идея приобрела более общий характер). Он выделяет мусическое и гимнастическое воспитание – первое для души, второе для тела¹⁶. Ведь стражи должны быть «благочестивыми и божественными, насколько это под силу человеку»¹⁷. При-

¹³ Ямвлих. О пифагоровой жизни / Ямвлих. – Пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. – М.: Алетейя, 2002. – С. 50.

¹⁴ Там же. – С. 53.

¹⁵ Там же. – С. 35, 85–86.

¹⁶ Платон. Государство / Платон. – Сочинения в 3 томах. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 155.

¹⁷ Там же. – С. 165.

чем интересно, что Платон отдает обучению и воспитанию первенство перед законом: «Не стоит нам давать предписания тем, кто получил безупречное воспитание: в большинстве случаев они сами без труда поймут, какие здесь требуются законы»¹⁸. Эту же мысль Платон проводит в «Законах», когда говорит о том, что «хорошо воспитанные дети легко станут хорошими людьми и, став такими, и все остальное будут делать прекрасно, в том числе и побеждать в битвах врагов. Воспитание ведет к победе, победа же иной раз – к невоспитанности»¹⁹. И в таком же духе – от человека к государству, а не наоборот – Платон дает определение воспитания, говоря, что мы подразумеваем под ним то, «что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или же властвовать. <...> Воспитание же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущество или какое-нибудь иное искусство, лишенное разума и справедливости, низко и неблагородно, да и во все недостойно носить это имя... Если же воспитание отклонится от своего пути, но его можно выправить, всякий по мере сил должен это делать в течение всей жизни»²⁰. И дальше Платон подробно останавливается на характере воспитания, указывая на то, что «наилучшее воспитание молодых людей да и самих себя заключается не во внушениях, а в явном для всех осуществлении в собственной жизни того, что внушается другому»²¹. При этом понятие воспитания у него охватывает, разумеется, и то,

что мы обозначаем как образование. (Кстати говоря, если брать слово «образование» буквально, т. е. иметь в виду корень «образовывать» «создавать», то оно более точно отразит то, что Платон понимает под воспитанием). Он подробно рассматривает, как осуществлять мусическое и гимнастическое воспитание, как и зачем обучать арифметике и астрономии и т. п. Главное знание, которое должен приобрести человек, – это знание о числах, потому что только оно дает истинную мудрость, делает его обладателя «не глупым ремесленным исполнителем, но мудрым и добрым гражданином; правитель ли он в своем государстве или подвластный – все равно он будет справедлив и благопристоен»²². Очень важным моментом концепции Платона является то, что женщины также должны получать воспитание и образование.

Для Платона, очевидно, само собой подразумевается, что идеальное государство вовсе не автоматически сделает всех людей добродетельными. Оно будет направлять к добродетели, создавать условия для правильного воспитания и образования, но каждый человек отвечает за свое собственное воспитание.

В социальном проекте Фалея Халкедонского, в изложении Аристотеля, характер социальных отношений ставился в прямую зависимость от порядка в делах собственности. Фалей первым предложил равную земельную собственность у горожан, на что Аристотель возражал, что Фалей не учитывает особенности человеческой природы, которая не знает предела вожделения. Важным, пояснял Аристотель, является не столько даже уравнение собственно-

¹⁸ Там же. – С. 214.

¹⁹ Платон. Законы / Платон. – Сочинения в 3 томах. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 104.

²⁰ Там же. – С. 107–108.

²¹ Там же. – С. 202.

²² Платон. Государство / Платон. – Сочинения в 3 томах. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 485.

сти, сколько создание такого порядка, когда люди не будут стремиться к нарушению разумно установленной нормы, что невозможно без радикального изменения человеческого характера, т. е. без надлежащего воспитания²³. Проект Фалея не обходил совершенно вопрос воспитания: он именно предполагал утверждение равенства как в сфере владения землей, так и в сфере воспитания, но все же содержание этого последнего не уточнялось. Поэтому Аристотель замечает: «Следует указать, в чем это воспитание будет заключаться; если же сказать, что воспитание для всех будет одно и то же, то от этого нет никакой пользы. Оно может быть единым для всех, но таким, что, и получив его, граждане все-таки будут ненасытно стремиться к деньгам или к почести, или к тому и другому вместе»²⁴. Сам Аристотель общо мыслил такой социальный порядок, сообразующийся с разностью человеческой породы, характера, воспитания и положения, предусматривающий гармонию социальных интересов, без их нивелировки.

В пайдейе, продукте системы воспитания древних греков, подробно описанном Вернером Йегером, было понятие арете – сложного и многосоставного концепта, включавшего в себя и духовную развитость, и сознание себя, своей роли и места в мире, и истинный героизм²⁵. Для греков весьма значимым в целом являлся именно аспект воспитания как приведения к величю души (мегалопсихии), а не образования как расширения кругозора. В аристо-

кратической среде целью воспитания являлось не просто «биологическое» подражание социальной модели поведения, ставшей традицией, но именно построение величия души, приход к духовной значимости, к подлинной арете; в этом заключалась сущность греческой аристократической выучки. (К арете примыкает калокагатия – совершенство развития и духа, и тела.) Эта проработка на воспитательном уровне особенно касалась героической арете – наличия ценности героизма в духовной структуре, идеала мужской доблести. Поскольку воинская доблесть высоко ценилась в греческой поэзии, то для достижения истинной героической арете следовало давать такой опыт и понимание того, как должно поступать в том или ином случае, чтобы воин действовал не по навязанной реакции, а исходя из собственных побуждений, внутренней личной проникновенности; нежелательны мотивации вида «я должен сделать это, потому что мне так говорили», но всецело одобряется глубокое внутреннее понимание и готовность поступать так, а не иначе.

Для греческого мышления была характерна неразделимая связь эстетического и этического. Именно в эпоху поздней античности впервые оформился союз прекрасного как эстетического концепта и нового как обновленной педагогической парадигмы. К этому положению восходит небезынтересная, но все же довольно-таки прекраснотелесная теория «эстетического образования» Фридриха Шиллера, согласно которой без обращения к высокому искусству нельзя воспитать человека добродетельного и счастливого.

В эпоху Возрождения, когда, вслед за произведением Мора, зачистили другие литературные описания идеальных об-

²³ Фролов Э. Указ. соч.

²⁴ Там же.

²⁵ Вернер Йегер. Пайдейя. Воспитание античного грека / Йегер Вернер. Соч. в 3 т. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. – Т. 1. – С. 287–290.

ществ, утопия окончательно маркирует фронтир нового сознания, обращающегося не в прошлое, а в будущее. Постепенно вырисовался вопрос, чем является утопия для человека, представляет ли она собой способ осчастливить человека или же способ сделать его жизнь и его самого совершеннее. И при ответе на этот вопрос выделяются две соответствующие концепции – человека счастливого и человека совершенного. Каждая из них продуцируется разными аспектами утопического бытия. Даже если авторы утопических произведений не всегда отдают себе отчет, в каком именно ключе они рисуют свое идеальное общество, принципиальные различия тем не менее выявляются, что порождает указанные два подхода и вытекающую из них относительно общую классификацию. Первый, этактический, подход формируют такие факторы, как совершенствование условий жизни человека, среды, которая его окружает, и достижение максимально приближенного к идеальному государственно-политического строя. Второй, антропологический, подход характеризуется таким описанием утопических обществ, при котором на первый план выходит более локализованный аспект – особенности личного мировосприятия и внутреннего изменения человека.

Как уже стало понятно, этактический подход мы соотносим с концепцией человека совершенного, а антропологический – с концепцией человека счастливого. Наибольший интерес для нас представляет вторая концепция, что связано с ее теоретической и практической сложностью. (Стоит заметить, что Платон пытался совместить оба подхода, что ему в целом удалось, но он представляет собой исключение.) Закономерно, что под «человеком счастли-

вым» мы подразумеваем такие преобразования в мышлении и самоощущении человека, которые позволят ему обрести понимание приоритетных жизненных ценностей, избавиться от душевного недовольства и прийти к истинной гармонии как внутренней, так и внешней, выражающейся в идеальном, подходящем конкретному индивиду жизненном укладе и комфортном взаимодействии с другими. (Но вопрос жизненных ценностей сам по себе также весьма сложен и индивидуален.) По причинам той же сложности очевидно, что релевантные этой концепции утопические произведения гораздо более редки, чем те, в которых достижение идеала ориентировано исключительно на внешнюю, предметную и социально-политическую сторону человеческой жизни и деятельности, а это и порождает коммунистические и социалистические проекты. Что же касается перемен в сознании самого человека, в его идейной ментальности – этот противоречивый аспект рассматривается в целом крайне скупно.

(Впрочем, плохая проработанность социально-антропологической составляющей в утопической литературе Античности и Нового времени логично объясняется общим отсутствием тенденции к анализу человеческой психологии, которая зарождается позднее.)

Краеугольный метод в формировании человека счастливого, составленный его воспитанием и образованием, рассматривается еще более скупно и противоречиво. По нашему мнению, причины отсутствия образовательного аспекта в утопических произведениях могут оказаться среди следующих.

Либо утописты, выстраивая картину идеального общества, предполагают,

что человек в таком обществе автоматически становится другим. Попав в идеальные условия, человек сразу теряет способность вести себя плохо по отношению к другим.

Либо, в силу указанной «автоматической инерционности», утописты не предполагают, что методики воспитания и образования должны чем-то отличаться от общепринятых в их время.

Либо в основном классические утописты предлагают довольно общие методики и решения, которые в целом скорее подтверждают важность и необходимость правильного воспитания и образования и декларируют его универсальность для всех, нежели углубленно прорабатывают эту проблему.

Наиболее продуктивными в общем ряду оказываются самые хрестоматийные мыслители вроде Томаса Мора. «Утопия» Мора помимо своего выступления в качестве эталона гуманистической моральной философии эпохи Возрождения оказалась также первой утопией, в которой вводилось образование для всех – и мужчин, и женщин. Для того времени это были безусловно прогрессивные взгляды. Помимо того, Мор приближает понятие образования к процессу, который должен длиться непрерывно, в течение всей жизни. Его утопийцы трапезничают в общих залах, и прием пищи сопровождается музыкой и образовательными чтениями (educational readings); кроме того, рабочий день утопийцев ограничен шестью часами, дабы у них высвобождалось больше времени на другие занятия, в том числе, указывает Мор, на посещение лекций. Таким образом, зарождается важная идея необходимости постоянного образования, понимание того, что воспитание и образование – не разовые акты, и недостаточно воспитыв-

вать, обучать и социализировать ребенка один-два десятка лет, а затем полагать его образование законченным. Свойства человеческой психики обуславливают непрестанную лабильность внутренней системы образов и ценностей, поэтому даже преобладающие ее составляющие – морально-нравственные установки – требуют постоянного напоминания и закрепления²⁶.

По схожему принципу воздействуют разрисованные обучающими картинками стены «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы. Роль наглядности сенсуалист Кампанелла оценивал очень высоко, и поэтому ставил во главу угла первоначального обучения детей приобретение элементарных знаний обо всех вещах и явлениях «динамичным» методом – во время прогулок, рассматривая стены города, на которых изображены геометрические фигуры, животные, растения, орудия труда и т. п. В современной педагогической практике наглядная организация учебно-воспитательного процесса уже давно установилась в качестве одного из ключевых мотивационных стимулов. Очевидно, утопическое образование должно иметь важное для своей полноты качество, и это качество – повторяемость.

Кроме того, необходимым качеством образования должно стать разнообразие его форм. Если повторяемость доминирующих нормативов ведет к их закреплению в моральной структуре личности, то разнообразие позволяет устранить обычную при обучении скуку, которая неизбежно ведет к ослаблению и потере мотивации. В этой связи можно вспомнить Г. Уэл-

²⁶ Halpin D. Utopianism and Education: The Legacy of Thomas More / D. Halpin // British Journal of Educational Studies. – Vol. 49. – No. 3 (Sep., 2001). – P. 305.

лса, полагавшего, что лучшим образованием для молодых поколений утопического общества являются путешествия, – здесь и научение космополитизму, что углубляет понимание основных человеческих ценностей, и многообразие и сменяемость впечатлений, что заставляет мыслить и расширяет кругозор²⁷.

Собственно говоря, в какой-то мере повторяемость и разнообразие воплощаются в современных образовательных системах разных стран, многие из которых дают возможность лично отобрать дисциплины для изучения, соотносясь со своими склонностями и потребностями. Однако общество по-прежнему заинтересовано не в отдельных прорывах и методиках, а в целостной, единой системе производства и воспроизводства идеальных людей. Доктор педагогических наук Борис Бим-Бад обобщает положения педагогических концепций совершенствования человека: для блага общества и личности необходимы такие особые свойства, способности, достоинства («совершенства») последней, которые сами по себе и случайно не формируются²⁸. Эти высшие совершенства могут быть сформированы в каждом индивиде, для чего необходим системный набор, программа формирования.

Также Бим-Бад указывает на крайне важный в нашем понимании аспект, составляющий функциональную сущность педагогической системы: «Предполагается также, что воспитатели обладают теми совершенствами, которые они возвращают в индивиде и группах, и что существуют средства воспитать новые поколения более

совершенными»²⁹. В этом плане как никогда оказывается верна латинская пословица, вопрошающая о том, кто будет охранять охранников.

Такая постановка вопроса подразумевает неизбежность изначальных недоработок в любой новой системе образования, т. е. каждое совершенство возможно смоделировать исключительно в перспективе. По большому счету, вся история образования работала на то, чтобы четче очертить его, создать более эффективные воспитательно-образовательные парадигмы и подвести, таким образом, всю систему ближе к идеальному механизму реализации, к той самой искомой формуле релевантного производства и воспроизводства.

Если литературная форма утопии сама по себе негласно давала возможность вынести на первый план какие-то конкретные аспекты устройства идеального общества, в зависимости от целей автора, и не поднимать другие, неясные или спорные, то в случае практической попытки построения утопической общины, очевидно, требуется организовать максимально лучшим образом все стороны человеческой деятельности. (В истории человечества насчитываются примеры локального осуществления различных проектов, которые в той или иной степени можно назвать утопическими, однако с новаторскими формами воспитания и образования также имелся дефицит.)

Таким образом, подводя теоретические итоги, можно сказать, что образование, дабы не становиться ошибочным, одинаково не должно носить ни характера подчиненности (не проникаться какими-либо преднамеренным установкам, связанным со спецификой устройства того или иного государства), ни характера подчинительности

²⁷ Уэллс Г. Современная утопия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INO/FANT/UELS/89.txt>

²⁸ Бим-Бад Б. М. Очерки по теории и истории педагогики / М. Бим-Бад. – М.: УРАО, 1993. – С. 22.

²⁹ Там же. – С. 24.

(не превращаться в довлеющее обязательство с элементом уравнивания). Этот нюанс являет собой отдельный камень преткновения при «строительстве» утопического государства, которое традиционно воспринимается как строго структурированное и потому не предусматривающее вариативности. Между тем именно изменяемость и вариативность образования, а также наличие выбора внутри диапазона воспитательно-образовательных методик дают возможность вырастить всесторонне развитую личность, сообразоваться с ее интересами. Выросший в ригидной образовательной системе человек вряд ли будет представлять собой раскрывшуюся личность, поскольку полноценное образование подразумевает также самообразование индивида, следовательно – поощрение разных направлений его самовыражения. Тогда как в результате предзаданности и шаблонности воспитания человек зачастую преобразуется не столько в мыслящую личность, сколько в бездумный винтик государственной машины, стремящейся к отлаженности своих механизмов на всех уровнях.

Литература

- Вернер Гегер.* Пайдейя. Воспитание античного грека / Йегер Вернер. – В 3 т. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. – Т. 1. – 608 с.
- Гомер.* Одиссея / Гомер. – Пер. с др.-греч. В. Жуковского. – М.: Правда, 1985. – 320 с.
- Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Книга VI [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/diodoros/diod06-f.htm>
- Платон.* Государство / Платон. – Сочинения в 3 томах. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – 687 с.
- Платон.* Законы / Платон. – Сочинения в 3 томах. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – 678 с.
- Платон.* Сочинения в 3 томах / Платон. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – 678 с.
- Ямвлих.* О пифагоровой жизни / Ямвлих. – Пер. с др.-греч. И.Ю. Мельниковой. – М.: Алетейя, 2002. – 192 с.
- Фрейдберг О.М.* Утопия / О.М. Фрейдберг // Вопросы философии. – 1990. – № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/u/Utopia.html>
- Уэллс Г.* Современная утопия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/89.txt>
- Бим-Бад Б.М.* Очерки по теории и истории педагогики / М. Бим-Бад. – М.: УРАО, 1993. – 272 с.
- Фролов Э.* Возникновение христианства [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/lib_sec/21_f/fro/lov_00.htm
- Вересаев В.В.* Эллинские поэты / В.В. Вересаев. – М.: 1963. – 408 с.
- Halpin D.* Utopianism and Education: The Legacy of Thomas More / D. Halpin // British Journal of Educational Studies. – Vol. 49, – No. 3 (Sep., 2001). – P. 299–315.
- Brown T.S.* Euhemerus and the Historians // The Harvard Theological Review. – Vol. 39. – No. 4 (Oct., 1946). – P. 259–274.